

Вырезка из газеты

КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА

г. Москва

10 ИЮН 1984

— Художником движет желание достучаться до сердца человека. Для кого я работаю? Для кого ставлю спектакли? Для людей духовно близких. Всем понравится не хочу; есть и такой зритель, что плохо, если ему понравится то, что ты делаешь...

Я рад, что мне в лицо могут сказать: «Вы поставили плохой спектакль — это явная неудача». Когда тебе в лицо боятся говорить правду — верный признак твоей старости. Или твоего самодурства. Что еще хуже.

Разговор с народным артистом Грузинской ССР, художественным руководителем театра имени К. Марджанишвили Темуром Чхеидзе происходил во время гастролей театра в Москве. И хотя не терпелось поговорить о его роли в фильме «Твой сын, земля» — роли, принесшей Чхеидзе всеобщую популярность, — мы начали с театра. Потому что — гастролы. И потому, что это естественно. «Жизнь моя — театр» — называлась одна из давних бесед с Чхеидзе. В этой формуле нет наигранности, в ней — суть.

— Не думаю, что мне удалось в своей жизни поставить хоть один завершённый спектакль. Не могу сказать, что я нравлюсь себе как режиссер. Но быть кем-то иным?.. Не представляю.

Чхеидзе работал в разных коллективах, пока не пришел в этот — прославленный. Пришел человеком относительно молодым, во всяком случае много моложе тех знаменитых актеров, которые играли в его труппе и которыми он должен был руководить.

— Ждете от меня размышлений о том, как завоевать авторитет? Боюсь вас огорчить: никаких битв за авторитет, сложностей с мастерами у меня не возникало. Помню, еще в театре Руставели я пришел на первую репетицию, и актеры встали, приветствуют меня в качестве режиссера. А Серго Закариадзе сказал: «Садись — тогда сядем и мы». Но такое изначальное уважение к твоей профессии может быть подорвано тобой же самим.

Благодарен актерам нашего коллектива за то, что они не боятся новых идей. Вообще, мне кажется, нет проблемы поколений — есть проблема людей, которые хотят или не хотят усваивать новые идеи.

— Вы сами преподавали. Как складывались Ваши отношения с учениками?

— Наверное, надо спрашивать об этом у них... Буду счастлив, если дал им хоть немного из того, что дали мне мои учителя — Дмитрий Александрович Алексидзе и Михаил Иванович Туманишвили. Учитель ведь таланты не раздаст, может быть, в какой-то мере направляет... Мечтаю, чтобы судьба моих учеников сложилась счастливо — их талант достоин этого. Знаю точно одно: они духовно готовы к искусству. Это, наверное, самое главное.

Ведь что такое искусство, театр, в частности? Прямая проповедь, нравоучение? Ни в какой мере! Когда меня начинают поучать, мне становится так скучно, что я хочу выйти из зала, хоть и взял за правило досматривать все спектакли до конца. Даже детям своим мне всегда трудно безапелляционно говорить: «Надо было поступить так-то...» По мне — такая формулиров-

ка: «Я бы лично так не сделал. А теперь — думайте сами».

— Вы привыкли, как я понял, первым делом спрашивать себя. Наверное, такая позиция формируется не только под влиянием книг, фильмов, но и под влиянием конкретных людей...

— Боюсь, что снова не пораду вас оригинальностью. Таким человеком для меня был и остается мой отец. В нем жила какая-то неназойливая порядочность, из-за которой люди, бывшие рядом с

мать. Если помните, основной сюжет картины — борьба Георгия Торели за обновление долины, его попытки вернуть в село уехавших в город крестьян. Мы приезжали в реальные, ставшие пустыми деревни, видели покинутые дома... Куда ушли люди? Что будет делать без них земля? Как сделать так, чтобы они не уходили? Надо было думать над этими проблемами, жить ими — вот такая была задача.

Однажды мы с режиссером фильма Резо Чхеидзе подвели человека, который «голо-

Ваша жизнь осложнилась, в Вас, Темуре Чхеидзе, хотя и видеть те черты, которые запомнились в личности Георгия Торели.

— Совершенно верно. И вот что интересно: каждый, оказавшись, обратил внимание на какую-то одну черту моего героя: один — на справедливость, другой — на доброту, третий — на милосердие. И теперь я должен быть средоточием огромного количества прекрасных качеств. Доходит до курьезов. Одна актриса, когда на распределении не по-

Темур Чхеидзе:

Достучаться до сердца

лучила роль, сказала мне: «А я думала, вы справедливый...»

Все спрашивают: «Повлияла ли на меня роль секретаря райкома партии Торели?» Хочется, чтобы повлияла.

— А есть ли у Вас планы, связанные с кино?

— Боюсь, они так и останутся планами... Для того, чтобы серьезно заниматься чем-то в кино, придется на довольно длительный срок расстаться со сценой, с театром — для меня это невозможно.

Замечательная книга одного из учителей Чхеидзе народного артиста СССР М. И. Туманишвили «Режиссер уходит из театра» заканчивается такой фразой: «Я иду в театр. Куда же еще мне идти?» Слова эти мог бы написать и сам Чхеидзе. Все его дороги всегда возвращаются в театр.

— Любят спрашивать: «Какво направление вашего театра?». По-моему, во все времена театр должен быть направлен в сторону хороших спектаклей. Или — еще занятая фраза: «У вас ставят разные режиссеры, лица главного не видно». Лицо главного режиссера — на фотографии в паспорте. Должно быть лицо театра. Бывает, смотрю спектакли какого-нибудь замечательного режиссера, потом работы его учеников — они совершенно похожи. Те, кто идет за нами, должны быть не похожи на нас.

Известно, что на отчеты в Москву главные режиссеры предпочитают привозить свои собственные работы. Москвичи увидели шесть спектаклей театра имени К. Марджанишвили — только три из них поставлены художественным руководителем. Все шесть работ — разные, общее в них, пожалуй, — желание изобретать, а не копировать. Может быть, оно и определяет лицо театра имени К. Марджанишвили, чьи гастролы проходят в эти дни с таким успехом.

— Больше всего не терпело в людях двуличие и индифферентность. Люблю людей, которые готовы за что-то отдать жизнь. Если театр хоть немного поможет воспитанию таких личностей, будем считать, что работали не зря.

Вел беседу
А. МАКСИМОВ

Фото В. ВАЖЕНОВА.

ним, как бы сами собой становились лучше. Отец был актером, и — поверьте мне — хорошим актером, но никогда не давал мне профессиональные советы. А если и делал это, то легко, как бы между прочим. Он понимал: каждый человек должен изобрести велосипед сам, несмотря на то, что проще велосипед купить.

Я хотел бы научить молодых коллег чувству необходимости открытий, желанию изобретать велосипед самим. Если человек не хочет изобретать — он начинает копировать. Это неизбежно.

Сам Темур Чхеидзе, конечно, из племени изобретателей. Когда он говорит, что его спектакли многими не принимаются, — он не кокетничает. Вот он рассказывает о своей трактовке «Отелло» — спектакль этот показывается на гастролях в Москве. В неожиданном взгляде режиссера на старое и, казалось бы, давно изученное произведение — его вечное стремление к поиску, страсть изобретателя.

— Представьте, я хочу рассказать о проблеме, которая меня мучит, которую ношу в себе. Как это сделать? Ставлю спектакль. Идею «Отелло» изложить, как вы понимаете, трудно. Если все-таки попробовать в двух словах, то я ставил спектакль о том, как ничтожный, никчемный, в сущности, человек по имени Яго смог разрушить огромную страсть сильной личности — Отелло. Увы, иногда самым непостижимым образом ничтожество побеждает благородство и силу...

Темур Чхеидзе многим известен как актер. Его герой, секретарь райкома партии Георгий Торели из фильма «Твой сын, земля», стал, пожалуй, одним из самых любимых героев последнего времени. О таких образах принято писать: «крупная актерская удача», но этот образ создал не актер, роль Торели — первая и единственная в биографии Чхеидзе. Случай, прямо скажем, уникальный.

— Роль я получил совершенно случайно. Попросили попробовать, отказываться — неудобно. Попробовался, совершенно уверенный, что ничего не выйдет, но... меня утвердили.

В этом фильме от актера никакой особой игры не требовалось, требовалось — ду-

совал» на шоссе. Оказалось, что это учитель, один из тех, кто уезжает из села в город. Согласитесь: бегущий из села учитель — это весьма неприятный, но символ. Такого персонажа не было в сценарии, но после этой встречи он появился.

— Думаю, что запомнился фильм во многом благодаря и Вашему герою...

— В людях велика потребность в таком человеке, в таком партийном руководителе. Мой герой — личность совсем не идеальная. Он может совершать ошибки, промахи, что, на мой взгляд, естественно для человека, занятого серьезным делом. Главное ведь: не допускать ошибок в нравственном кодексе, быть честным перед своей совестью — все остальное поправимо. Думаю, что именно благодаря сложности характера главного героя в него так поверили.

Свидетельства этой веры — письма зрителей, продолжающие идти ко мне до сих пор. Всего их около трех тысяч. Есть письма поразительные: «Сейчас вечер. Вдруг остро почувствовал, что живу один. Пустота. Как быть дальше?» Что ответишь? Что посоветуешь?

— К сожалению, мы редко говорим о той ответственности, которую накладывает образ, созданный актером на его создателя. Может быть, таких крупных образов мало? Я думаю, что после фильма